

Мэри Кушникова
ОСТАЛИСЬ В ПАМЯТИ КРАЯ
Страницы литературно-краеведческого поиска
5. КУЗНЕЦКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ

5.1. «ПИСАЛ ЖЕ Я КАК ЧЕЛОВЕК НЕУЧЕНЫЙ...»

(И. С. Конюхов, 70-е гг. XIX в.)

В 1966 году в газете «Кузнецкий рабочий» появилась статья кузнецкого старожила, историка, педагога, страстного краеведа Антона Ивановича Полосухина, о котором мы уже поминали.

Статья называлась «Кузнецкая летопись», и речь в ней шла о редкостном документе: о «летописи града Кузнецка», составленной в конце 60-х годов прошлого века местным жителем Иваном Семеновичем Конюховым.

Антон Иванович Полосухин пытался привлечь внимание к уникальному документу, который по сей день хранится в научной библиотеке томского университета. И вот какими словами заканчивал автор названную статью: «Хотелось бы сделать этот документ достоянием широкого круга любителей старины. Теперь, после создания в городе отделения Общества охраны памятников, я надеюсь, что этой летописью заинтересуются более внимательно и воздадут должное ее творцу. Копию летописи (лучше всего фотокопию) необходимо, конечно, иметь в нашем краеведческом музее». Мне впоследствии удалось познакомиться с рукописью Конюхова. Однако против фотокопирования библиотека Томского университета категорически возражала. Впрочем, фотокопирование было почти невозможным – так выцвели чернила. Пришлось решиться на крайность: рукопись была переписана от руки, хотя и с некоторыми опущениями. И огромную помощь в этом оказала жительница Томска Эльза Арминовна Захарова. По роду занятий она химик и, казалось бы, далека от краеведческих поисков, однако проявила такое горячее сочувствие к истории нашего края!

Рукопись, состоящую из 68 страниц, Иван Конюхов озаглавил так: «Памятные исторические записки, или летопись города Кузнецка с начала его основания и о некоторых событиях и протчем, учиненная в 1867 году и о последующих за оным».

Иван Семенов сын Конюхов большой грамоте не был обучен, никакой корысти в ведении летописи для

себя не преследовал и о своей творческой кухне сообщает весьма простосердечно: «При сочинении сей записи я не имел под руками никаких актов, написал оную частью из устных преданий, мною от пожилых людей слышанных, частью из имеющихся у меня собственных записок, выписанных сокращенно из читанных мною книг». Автор предупреждает, что некоторые сведения, приводимые им, могут быть неточными, приблизительными, так как пишет по памяти. «... Имея преклонные лета, которых мне 75, и ослабевшую память. Но будучи охотник до старины, вздумал я написать. Сколько могу припомнить для незабвенной памяти в будущее время любителям старины. Писал же я как человек неученый, весьма простым слогом, по своему разумению, не соблюдая никакого порядка, и кому доведется читать сию записку, прошу меня во всех погрешностях простить, а что в ней не исправлено – исправить, за что я буду благодарен. Кузнецкий мещанин Иван Семенов сын Конюхов. Есть еще и те погрешности, что заднее написано впереди».

Да, действительно, грамотой и слогом автор не блистал, но – какая гражданственная забота о сохранении памяти для будущих поколений вела его неискusstvenное перо!

В рукописи Конюхова 33 главы. Даже из оглавления видно, что краевед-самородок имел лишь одно стремление: сохранить для потомков все, что казалось ему интересным и важным в истории, экономике, природных условиях своего города, в занятиях его обитателей.

Вот названия нескольких глав: «О первоначальном основании города», «О названии некоторых мест», «О ценах на хлеб и наводнениях», «О пчеловодстве», «О приезде значительных лиц», «О пожарах» «О переменах воздуха». Такие главы соседствуют с рассказами о «чудесах»: «О явлениях в улусе Сверкашевом татарину Бийбираку», или «О громовых ударах и ими убиенных». Из этой рукописи мы узнаем также «О первоначальных городских обывателях», «Об открытии училища», «О начале каменного строения», «О городском саду и благородном собрании», «О питейных домах и купеческих капиталах», «О казенных зданиях», «О прекращении продажи казенной соли», «О хлебном запасе в магазинах». В каждом слове – биение живой жизни уездного городка середины XIX века.

Летопись эта «учинена» Иваном Конюховым не случайно. Читаем: «Первоначально Кузнецкий острог был основан на левом берегу Томи, на устье реки Кондомы и были окопы вверх по ручью, повыше

нонешней крепости, а потом уже основан на нонешнем месте. А в 1617 году ставили его при князе Куракине. Из сего видно, что в нонешнем 1867 году с основания нашего города исполнилось 250 лет».

Столетний юбилей Кузнецка в 1717 году отмечался весьма торжественно. Сам Петр 1 был к нему причастен. Еще в 1977 году в Новокузнецком краеведческом музее, до его реконструкции, можно было увидеть фрагмент трехметрового деревянного креста, который по повелению Петра был воздвигнут к первому юбилею Кузнецка на том месте, где впоследствии планировалась постройка храма «во славу мирного града Кузнецка». И действительно, как сообщает конюхов, в 1621 году «была уже в Кузнецке церковь деревянная во имя Преображения господня, которая и ныне существует, но уже каменная». Также и по архивным данным, собор Преображения, который сейчас внесен в списки памятников, подлежащих охране, был построен во второй половине XVIII века и именно на месте, указанном в конюховской летописи, после того как сгорела во время очередного городского пожара старая деревянная церковь.

Судя по всему сказанному, основание Кузнецка было событием весьма памятным и почитаемым для кузнецчан, - именно потому к 250-летию основания города Конюхов и «учинил» свою летопись. Мог ли он думать тогда, что еще через сто лет, к 350-летнему юбилею, именно его летопись будет поминаться как один из самых ценных документальных источников по бытовой истории Кузнецка...

Но – пока он об этом не думает. Он кропотливо вносит в свой труд все, что вычитал, услышал, помнит сам, заботливо отмечая на полях «по устным преданиям», «по собственному моему знанию», «из черновой старинной записи», «из сибирской истории Павла Небольсина 1849 года»...

Мы узнаем имена первых московских воевод: «В 1618 году велено быть в Кузнецком остроге первым московским воеводьям Тимофею Степановичу Боборыкину и Осипу Герасимовичу Оничкову... А в 1635 году даны всем сибирским городам печати и гербы. Городу Кузнецку герб – волк. В то время учинены остроги Сосновский, Верхотомский, Спасское государево село, в сии остроги посылались по приказу письменные головы и дети боярски из Томска погодно...». Эти сведения не новы, но здесь вспыхивает некий сигнальный огонек – «Спасское государево село». В течение столетий села нередко получали названия по храму, который в них стоял. В недрах Томского архива мы нашли сведения о Спасской каменной церкви в селе Ишим Яйского района. Так всегда ли Ишим назывался Ишимом, и не к тому ли

Спасскому селу ведут его корни? Тем более, сего «государево» - ему максимальное внимание! Может, именно отсюда величественность каменной церкви, отсюда богатый ямской промысел, коим славен был Ишим во времена Радищева, проезжавшего через село...

О Кузнецкой крепости Конюхов пишет как очевидец. Он помнит ее сторожевые башни, помнит земляной вал вокруг крепости и рогатки. В своей публикации Антон Иванович Полосухин справедливо отмечал необходимость сохранения этого земляного вала, который в былые времена надежно ограждал город от набегов кочевников. Читаем: «До построения крепости город обнесен был земляным валом, рвом и рогатками, начиная по горе Вознесенской от реки, от самого крупного камня вокруг сего города и возле Казачьей речки проведен тоже до реки, через ручей или лог, что за крепостью был мост, где ныне прямая тропинка в село Подгороднее с горы на гору, и были три деревянные башни. Одна на горе Вознесенской у моста, другая – по Казачьей речке, называемая Фроловская, на том месте, где ныне Фроловская часовня».

Бесценные сведения, необходимые для реставрации Кузнецкой крепости, мы найдем и дальше. Как уже было сказано, на полях рукописи впечатляют такие ссылки на источник: «о чем я слышал от стариков», «а большую часть рогаток и две последние башни крепости я и сам хорошо помню». К моменту написания летописи Ивану Конюхову было 75 лет. И то. Что он сам видел и описывает, для нас – седая история. Тем более важны пометки – «я и сам хорошо помню».

Любопытно, что и сто лет назад состояние крепости заботило кузнецчан: «В ныне не существующей разрушающейся уже крепости ранее были каменные строения. Башни высокие у реки стражные (т.е. сторожевые) с боковыми в одной помещениях и с двумя воротами, от одной по обе стороны каменные толстые стены, вышиной, примерно, около шести сажен. Вокруг крепости земляной вал, внутри каменные солдатские казармы, длиною более 30 сажен да штаб и оберофицерские дома, госпиталь, арсенал, и пороховой подвал...». Перед нами как бы явственно возникают макет крепости, который до недавних пор можно было увидеть в Новокузнецком краеведческом музее, а также сохранившийся до наших дней план ее постройки начала XIX века: «Состоящий в крепости тюремный острог, гошпиталь и пороховой погреб переправлены в 1841 году нашей казной. Переправкой одной руководствовали архитекторы. 6 числа ноября переведены в острог арестанты»... Много ли изменилось во внутреннем облике этого острога за 50 лет,

что прошли до момента, зафиксированного на старой фотографии из полосухинского личного архива, на которой мы видим «крестный ход» для узников острога в начале XX века...

Но по всему видно, что конюхов не просто озабочен разрушающейся постройкой крепости. Чувствуется, что он спешит зафиксировать существующее положение вещей, именно поэтому он все описывает так подробно. Например, крепостная надвратная церковь, которую мы все хорошо помним, обрастает дополнительными реалиями: «В 1842 году начали в крепости из башни строить острожную церковь во имя святого пророка Ильи, которую башню пожертвовал для церкви кузнецкий купец Илья Иванович Ивановский...».

А вот Кузнецк в пугачевские времена. Именно здесь находился с 1745 по 1773 годы Олонецкий драгунский полк, отозванный для подавления пугачевского восстания. В конце XVIII века войска в Кузнецке значительно поубавилось: «квартировало $\frac{1}{4}$ роты артиллерийской, в крепости и на стенах оной находились пушки на лафетах, из которых производилась временная пальба» - выстрелы, оповещающие о времени, род крепостных «курантов».

А как образовалась «Слобода», вначале именуемая «Солдатской слободкой»? Оказывается, «в 1836-1837 годах отведена земля за городом инвалидным женатым солдатам для постройки домов и выдано им на постройку домов денег из казны по пятьдесят рублей, а к ним много пристроилось и городских жителей...».

Была в Кузнецке и богадельня, которая тогда называлась «убогим домом», со своим же погостом, где, как пишет конюхов, «и похороняли несчастных казненных, когда была за уголовные преступления смертная казнь, также застеганных до смерти или самоубийцев...».

Заметим это страшное «застеганных до смерти» - ведь это негласная смертная казнь, шпицрутены для солдата и розги для крепостного – и о ней пишет современник, как о чем-то само собой разумеющемся. Это сообщение как бы довершает и иллюстрирует описанные гневным пером Берви-Флеровского телесные расправы, которые применялись к крестьянам Кузнецкого уезда еще в 60-80-е годы прошлого века.

Часто доводится читать и слышать, что чуть не до трети XX века Кузнецк был грязной деревянной деревней. Архивные данные давно внесли существенные коррективы в это представление, летописей

Конюхов их дополняет. Например, заметим, что на месте «убогого дома» был построен острог, «в котором помещались крепостные арестанты и кирпичный сарай для делания кирпичей на строения крепости». Это важно. Значит, кирпич, тот отменный кирпич, прочность которого сопротивляется взрывам и вместе с тем податливость которого позволяет тесать из него самые замысловатые архитектурные орнаменты, - этот отменный кирпич делали кузнецкие умельцы.

А коль материал был, то он мог служить для постройки каменных домов в Кузнецке. Вернемся к памятным домам Кузнецка, с которыми мы встречались и которые взяты сейчас под государственную охрану. Вот три каменных дома по улице народной: бывшее казначейство, в котором сейчас узел связи, бывшее уездное училище, в котором расположено вечернее отделение сельскохозяйственного техникума, и бывший окружной суд, где находится сельскохозяйственный техникум. При датировке этих домов мы убедились, что архивные справки куда скупее записок очевидцев. Ведь Конюхов разворачивает перед нами картину общей застройки Кузнецка, подчеркивая просчеты планировки, называет даты, фамилии... Он сам - активный участник жизни города.

Кстати, ведь именно подпись Ивана Семеновича Конюхова мы находим на документе – описи каменного двухэтажного дома, купленного для Кузнецкого уездного училища, - Конюхов был как бы свидетелем при составлении купчей в 1838 году.

Вот что говорит летописец: «Город Кузнецк проектирован по плану 1821 года, составленному земледелом Лонбертовичем, который утвержден был в 1834 году. Но как по оному плану Городская площадь показана была весьма малою, то в 1838 году отведены к оной места для построения домов». И так, первый «генплан» Кузнецка насчитывает полтора века. Он не устраивал горожан, которые ратовали за красоту и удобство своего города, и потому «18 числа апреля 1838 года приговором взошли с представлением в губернское начальство... вследствие чего план на город Кузнецк пересочинен и в 4 число Генваря 1846 года утвержден, в Кузнецке получен 1848 или 1849 году».

А далее – интересная деталь. Наряду с достопримечательными событиями, поразившими воображение кузнецчан или внесшими в жизнь города новые черты: «В Кузнецком округе открыты первые золотые промыслы казенные в 1838 году» или – «В 1822 г. марта 22 числа по полудню было в Кузнецке

землетрясение, хотя не сильное, но чувствительно многими». Отмечается также как особое событие: «В 1826 году открыто в Кузнецке народное училище переведенное из Туринска. Помещено в купленном для одного общественном доме, что ныне дом стряпчего Плахина...».

От Конюхова мы узнаем еще некоторые черточки из истории просвещения Кузнецка и из биографии одного из немногих уездных училищ Сибири той поры, для которого столь много сделал в 30-е годы прошлого века его смотритель Николай Алексеевич Ананьев... Конюхов хоть и отдает ему должное за то, что он многолетне и рьяно «выбивал» каменное здание для училища и полжизни отдал его процветанию, но утверждает, что и до него были в Кузнецке и самоотверженные учителя, и тяга к учению: «Учителем первым был Михаил Гаврилович Лукин и дьякон соборной церкви Семен Яковлевич Хмылев». В промежутке между 188-1826 годами, когда училище считалось закрытым, «дети, желающие родителями обучать грамоте, учились у частных людей. Учение состоялось по славянской азбуке, часослову, псалтырю и письму, которым наукам и я обучался у пожилой девицы Дарьи Степановны Хабаровой с протчими моими сверстниками, а письму – в городском магистрате у коллежского регистратора Матвея Степановича Старканова».

В летописи Конюхова мы находим ценные уточнения и дополнения к уже известным нам архивным данным. Мы узнаем, например, что бывшее здание уездного училища было куплено с аукционного торга Нарымским купцом Алексеем Семеновичем Родиковым у бывшего владельца, купца Ловыгина. И тут Конюхов сообщает недостающую нам точную дату: «Дом купца Ловыгина, начат строить около 1815 года, что ныне народное училище». Таким образом мы можем существенно пополнить историческую справку, сопутствующую списку зданий, взятых под государственную охрану.

Мы узнаем также, что первое каменное строение Кузнецка – это Одигитриевская церковь, в которой, как мы помним, в 1857 году венчался Ф. М. Достоевский, «начата строить в 1773 году каменщиком иркутским мещанином Почекуниним, вызванным для сего из Иркутска купцом Иваном Муратовым, по окончании постройки церкви купец Муратов около 1780 года выстроил себе возле оной церкви каменный дом, записанный ныне окружным казначейством, который около 1802 года продал в казну за 450 р. ассигнациями, в 1864 году поправлен и покрыт железом, возле него кладовые каменные, построенные в

1831 году». Так мы можем куда точнее датировать еще одно здание, взятое под охрану. Это нынешний узел связи, бывшее казначейство – оно оказалось старше, чем мы думали (его относили к началу XIX века).

Более того, мы можем искать в соседних постройках первоначальные каменные кладовые – ведь службы и надворные постройки составляют ныне истинную редкость, настолько мало их сохранилось...

Мы узнаем, что взятое также под охрану здание нынешнего сельхозтехникума (бывший окружной суд) построено тем же купцом Муратовым около 1805 года, после чего было продано купцу Баранову, затем перешло к купцу Васильеву. В 1912 году оно было куплено акционерным обществом «Копикуз», о чем Конюхов, естественно, знать уже не мог...

Мы узнаем, что здание Преображенского собора, приблизительно датированное второй половиной XVIII века, заложено было в 1782 году, причем строил его все тот же иркутский мастер Почекунин. Найти имя автора такой постройки, - а пожалуй, и целого ансамбля городской площади, - да в XVIII веке, да в Сибири – большая удача!

Иван Конюхов сообщает нам о таких «достопримечательностях», как первые балконы в Кузнецке: «Балконы при домах первым сделал купец Петр Баранов при своем каменном доме в 1852 году. Вторым был купец Алексей Бехтенов – при деревянном доме в 1866 году, и на оном доме мезонин первый еще в Кузнецке».

Может быть, именно у «дома Курако», памятника республиканского значения, который находится у самой площади, как раз и были мезонин и балкон, откуда, судя по письмам «великого доменщика», он любил по утрам любоваться ландышами, что росли перед домом...

А может – это гордость кузнецчан, не существующий сейчас дом купца Афанасьева, выделявшийся именно резным балконом и мезонином с цветными стеклами? Читая летопись Конюхова, еще острее осознаешь, сколько же мы утратили «родинок», которые никак не портили, а могли лишь украсить помолодевший лик родного города...

Каменные фундаменты под деревянными домами тоже были примечательным новшеством во времена Конюхова, и он о них сообщает особо: «Каменных фундаментов первый дом построил я в 1854 году, второй

– мещанин Павел Мазаков 1855 году, третий – купец Дмитрий Насонов в 1856 году». Все это очень важно для датировки зданий, что подлежат охране как часть исторически сложившегося ансамбля. Поскольку Кузнецк был весьма невелик, а все, о ком пишет Конюхов, как уже было сказано, жили, в основном, на одном пяточке, то, может, один из названных домов середины XIX века и есть тот самый «дом Фонарева», деревянный на каменном фундаменте, украшенный резьбой, который интересен нам еще и потому, что, по местным преданиям, именно в бане этого дома юный Валерин Куйбышев, приехавший в Кузнецк к родителям на каникулы, печатал свои первые революционные листовки. Дом Куйбышева был разобран в 1967 году при прокладке объездной дороги, которая стоила Новокузнецку потери градостроительного ансамбля конца XVIII – начала XIX вв., но «дом Фонарева», вот он, – возможно, сведения Конюхова помогут его датировке и составлению исторической справки о нем.

Достаточно ли достоверны сведения Конюхова? Обратимся вновь к описанию: «В крепости каменный тюремный острог, гошпиталь, дом, занимаемый тюремным смотрителем, и пороховой подвал – все эти здания построены в начале сего столетия». Сведения подтверждаются: названные строения мы в точности находим в планах крепости за 1807 год. Уже по этому подтверждению, также как и по скрупулезным ссылкам на источник, приведенным на полях рукописи, можно судить о добросовестности сведений кузнецкого летописца.

А теперь представим себе, как выглядела в начале прошлого века так называемая базарная площадь Кузнецка. В главах «О гостином дворе по нонешней моде» и «О балаганах» мы узнаем о бойкой коммерческой жизни города. «Наперво построено мной (Конюховым) три лавки в 1832 году и в последующие годы начали уже к моим пристраивать и напротив, ныне существующие».

Церковь оставалась к этим лавкам отнюдь не безучастной, как видно из следующей записи: «В 1866 году построил лавку и кладовые сын мой Михайло и в 1867 году приложил оную лавку к церкви, с которой церковь получает за место оными занимаемом от трех до шести рублей в год с каждой лавки»...

К «увеселениям» Конюхов причисляет балаганы, в которых торгуют сладостями. «Первую палатку холодную открыл с пряниками российский (т.е. не сибиряк – М. К.) именем Федосей в 1843 году. После

него открыли другие таковые палатки с пряниками и подвижные столы»...

Но пряники – пряниками. При доброхотном участии горожан в Кузнецке предусмотрены также украшения ландшафта и утехы «духовные»: «В 1867 году сделан пруд повыше от моста, за работу которого заплачено 72 рубля, деньги собраны по добровольной подписке». А «в 1863 году начал устраиваться городской сад за городом при Солдатской слободке по добровольным на устройство одного подпискам». Здесь же приписка другой рукой: «В 1869 году уничтожен». «В 1866 году учреждено Собрание благородного общества в нанимаемом для того частном доме». И приписка – «В начале 1869 году оно уничтожено». Что же это за роковой год уничтожения садов и домов? Оказывается, виною многих бедствий были пожары. Они свирепствовали в 1723 году, когда сгорела первоначально построенная Спасопреображенская церковь 1621 года; в 1801 году сгорел дом протоиерея и вместе с ним 17 домов. Пожары бушевали на маленькой площади в 1817, 1831, 1835, 1837, 1853, 1854 годах – чуть не каждый год. В 1835 году начисто выгорели села Ильинской и Бачатской. Кузнецк и его окрестности трепетали перед натиском стихий, как и вся былая деревенская Русь...

Занятнейшая глава «О платьях и роскошах»: «На моих памятях с 1800 года некоторые зажиточные люди немногие мужчины носили сертуки, женщины юбки и длинные шушуны. На ногах ичиги и черки. Сапогов же носили немногие. Женский пол шушуны и юбки повседневно больше холщовые, печатанные или крашенные сандалом. С 1810 или 1815 года начали уже платья носить получше и пощеголеватей»... Появлялись и модники из «сибирского Парижа», каковым именовался Иркутск: «Около 1810 года по какому-то делу переселен был из Иркутска в Кузнецк из купцов Григорий Лысов. На нем на первом увидели мы янотову шубу, а на втором – на полковнике и коменданте Шепелеве, приехавшем в Кузнецк около 1820 года». Не обходилось и без казусов – кузнечане были простодушны, но насмешливы: «Еще в 1803 году, когда я был в ребячестве, впервые увидел на приехавшем порутчике в городовую команду Сорокине капот с большим воротником, все бегали за ним, смотрели на воротник, называли его женский шушун» - очевидно, имеется ввиду модный в то время плащ с пелериной.

В начале прошлого века кузнечане были явно воздержаны в еде и обиходе. Конюхов вспоминает: «От родителей своих я слышал, что прежде в Кузнецке чай имели только в двух лучших чиновничьих домах – у

Годлевского Дмитрия Леонтьевича, деда ныне живущего здесь генерала Годлевского, и другого чиновника же Мельникова, которые имели у себя крепостных дворовых людей, да и те чай употребляли не всегда, а всегда употребляли траву, называемую белоголовник. Самовары появились уже на моих памятях после 1800-х годов у немногих. Воду для чая грели в черных медных чайниках на огне, раскладенном на шестке у печки на таганах».

Роскошь в Кузнецке не одобрялась, вообще к расточительству относились с подозрением. Так, купец Степан Полосухин по заказу поверенного Мельникова «привез из Ирбицкой ярманки осминный штоф рому, за который заплачено было 10 рублей. Знавшие сие некоторые сильно удивлялись такой дороговизне и роскоши». Если с Ирбицкой «ярманки» привозили пудовую бадейку меду, то и сами довольствовались, и еще продавали целый год в своей лавке по мелочи: «Мед покупали копейки на три или на пять, больше на панихиду», - сообщает конюхов.

Так что, «вот такую-то предки наши вели скромную и не роскошную жизнь, - читаем мы, - и на моей памяти в городе Кузнецке много учинилось перемен, умножились роскошь, сластолюбие, так и в платье излишества, щегольство, особенно в женском поле».

Рукопись Конюхова, как уже было сказано. Состоит из 68 страниц. Это очень «говорящая», насыщенная, очень информативная рукопись. Так, на ее 51-й странице мы находим своеобразную рецензию: «Читал и принял за истину для передачи другим. Титулярный советник Фрол Григорьевич Третьяков. 10 мая 1883 года. Город Кузнецк».

Очевидно, рукопись вызвала подлинную заинтересованность у кузнецян – извечных патриотов своего города. Но интерес она пробуждала и дальше. Так, 12 августа 1879 года томский миссионер Василий Иванович Вербицкий, человек образованный и имевший вес в просвещенном мире, написал Ивану Семенову сыну Конюхову, проживающему в Кузнецке, весьма лестное письмо: «Милостивый государь, достопочтеннейший Иван Семенович! При сем честь имею возвратить летопись вашу и прошу меня извинить за то, что долго продержал ее. Из нее я выкроил две статьи и сообщил их в западный отдел Географического общества. Князь Костров, секретарь Томского губернского комитета, заявил, что готовит для Томских губернских ведомостей статью о городе Кузнецке. Я уверен, что без вашей летописи и ему не

обойтись. Видите, почтеннейший Иван Семенович, какое благо вы сделали всем, что вели свои нехитрые, но правдивые записи. Кому бы они не попались в руки, всякий воздаст вам должную дань благодарности, даже до отдаленного потомства. 12 авг. 1879г. В.Вербицкий».

И в самом деле, 7 числа февраля 1880 года, сообщает Конюхов, он «получил в Думе тетрадку о городе Кузнецке, сочиненную господином князем Н. Костровым, печатанную в Томской типографии». В тетрадке сообщались сведения об истории Кузнецка от самых истоков, причем Конюхов очень гордился тем, что «к сим сведениям принадлежит и моя летопись, составленная в 1867 году, и все эти выписки подкрепляют и разъясняют одна другую».

Вот как высоко ценили современники летописца и его благородный труд! А в конце XIX века действительно была издана брошюра князя Кострова, фотокопию которой мы получили из Ленинской библиотеки. В работе Кострова содержится интересный и полезный материал об истории Кузнецка, причем в ней тоже используются сведения Ивана Семеновича Конюхова.

Последние строки автор кузнецкой летописи писал в 1879 году, вновь напомнив о 250-летию своего города. С тех пор прошло более ста лет. Век – это много и очень мало. Может быть, и сейчас живут в Кузнецке потомки Конюхова, у которых хранятся документы, связанные с историей города. Летопись Конюхова и высокая оценка, которую дали ей современники автора, еще раз напоминают о благородной традиции почитания собственных корней, которая издревле бытует на Кузнецкой земле. Познакомившись с летописью Конюхова и оказавшись в Кузнецком районе Новокузнецка, чувствуешь: вот оно начало, зародыш нового, молодого, современного города, который только что отметил свои первые полвека. Это начало предъявляет нам свой счет и постоянно напоминает, что дерево растет не с листьев, а с корней, и что надежно стоят современные города лишь на прочных корнях, как подчеркивает в своей летописи Иван Семенович Конюхов, доброхотный летописец Кузнецка.